

БОРИС ЧУЛКОВ

Тетрадь с грибами

стихотворения

1419946

Вологда

2010

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУДА

(Как бы предисловие)

Природа — известно — стихия.

А внутри целой стихии есть еще и меньшие. Я имею в виду всегдашние пристрастия человека (хоть за тысячи лет тому, да хоть и сейчас).

Да! Ведь сначала это было извечным добыванием пищи насущной, и лишь потом уж более-менее входят в силу и пристрастия в чистом виде: охота, рыбалка и т.д.

Но давно уже стало ясным и еще одно пристрастие: грибы. Кроме принадлежности к пище (а иногда и к отраве) они чем-то влекут нас вроде бы и как наркотик.

В самом деле: много ли современных людей по лесам-борам с ружьями-то бродит? Думается, больше есть, может

быть, тех, кто с удочками, спиннингами да еще и с такими варварскими, то есть с самыми современнейшими орудиями и способами рыбодобычи этим занимается. Далеко не все тут законно, а значит: ограниченно... Да и не приверженец я этих пристрастий...

Но Гриб! Но грибы! По-моему, это тоже одна из стихий и это тоже своего рода опять же предчувствие чуда. Вот и шли и идут за ними на Руси все и вся и повсюду и всегда. Да и запрет на сбор есть ли?

Благо — нет. Так что скорее гриб найдешь, чем какой-то на сегодняшней Руси закон-запрет обрешь!

Вот и я — как русский человек — с юности (чуть ли не с молодых ногтей, что называется) этим проникся, интересом-азартом этим.

В разные годы, как в прошлом, так и посейчас, у меня и появлялись строки — о Грибе, о грибах...

ЗАЧИН

Грибы! Лишь только вас завижу —
во сне, в торгу, в бору глухом, —
нет ничего мне в мире ближе:
вы тут — в душе, во всем моем...

ПОПРОЩЕ

Деревья стоят — громадны,
величественны и статны,
и я собираю в чаще —
чего бы, чего послаще.

А чаще не в чащах дремучих
и не на болотах зыбучих —
в родименькой реденькой роще:
чего бы, чего — попроще.

СЧАСТЬЕ

Счастье выпадет негаданно,
словно светлый дождь грибной,
и сбегут, как черт от ладана,
все печали до одной.

Счастье свалится нечаянно,
точно на голову снег,
и несчастный, неприкаянный
станет вмиг счастливей всех.

Словом, счастье не раскается
и хоть раз да на веку
и предстанет, и объявится,
и привалит дураку!

* * *

И паутина сплетена,
а паука на месте нету:
прозрачайшая тишина
опять опутала планету.

Где мошек звонкие рои,
в лесу сновавшие повсюду?
Округа в сонном забытьи —
и мой паук не верит чуду.

Он, безработный с этих пор,
успел куда-то схорониться;
зато грибам теперь — простор:
в тиши легко на свет родиться.

Вновь осень царственно щедра:
бери дары ее, прохожий!
Вновь полнокровна и пестра
палитра сей поры погожей.

И, сын родимой стороны,
я снова странствую, скитаюсь
и вновь в отчизне тишины
к какой-то тайне приобщаюсь...

Чем богаты рощи, тем и рады —
путнику подспорье завсегда:
в роще родниковая вода —
не вода, не влага, а отрада.

Чем богат, он тем и рад, осинник,
березняк тем рад, чем и богат:
там, не прячься, грибника манят
подберезовик и подосиновик.

Тем боры и рады, чем богаты:
ягодой малиной и иной
и такую тенью в самый зной,
что и зной не входит в те палаты —
там, где ветви образуют кров...

Но внезапно болью сердце схватит:
их намного ль, их надолго ль хватит —
рощ моих, лесов моих, боров?..

ПО ГРИБЫ

На русском все не столь и сложно:
пригодно, прочно, непреложно.
Язык наш — высший дар Судьбы!
Итак, идемте по грибы!
В лесах найдем такое слово,
что ново и небестолково!

ОДА ГРИБАМ

Я думаю, лес — это целая повесть,
роман, с увлечением написанный кем-то.
Бродить и бродить бы в затишии, то есть
под этим зеленым развесистым тентом.

На юге, быть может, сейчас апельсины,
быть может, лимоны, бананы, быть может,
а здесь замечаешь лишь гриб под осиной,
но, скромный, он мне апельсинов дороже.

Ведь ищешь грибы — как читаешь поэму,
чьи строчки трава прикрывает сырая,
чьи целые главы и целые темы
припомнишь, корзину потом разбирая...

Но лето кончается. Голое поле
вплетается в ткань облетающих листьев.
Сентябрь, что сидит на холодном престоле,
все чаще нам шлет непогоду и мглистость.

Грибы отмирают без крика, без боли,
но в полднях какой-то ласкающий хмель
есть;
и сивая Осень уж пляшет в раздольи
и ржет под рыдающий лиственный шелест.

Я знаю, что лето лесное — шумнее,
я знаю, что осень — багряней и тише,
но вот описать это — много труднее,
но вот описать это — вряд ли опишешь.

Но я доказал бы, с южанином ссорясь,
что юга милей мне чащобы и кочки...
Я думаю, лес — это целая повесть,
а эти грибы — стихотворные строчки.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пока не слышно бурь
и дремлет ветер резкий,
последняя лазурь
стекает в перелески.

Пока румяна рань,
день золот, ночь согрета, —
в притихших весях, глянь,
гуляет бабье лето.

И осень — уж не в страх,
не яд слезы соленой, —
день яблоком пропах,
грибами и соломой.

Дыши же нынче им,
и впрямь остатком лета
прозрачно-золотым.
И ни на что не сетуй.

Вдыхай по то число,
где сгинет эта малость...
...Покуда не ушло,
пока не распрощалось...

ГРИБНОЙ ГОД

Немало нынче было ягод,
а что касается грибов, —
так запасай их, парень, на год —
лишь бы хватало погребов.

Но, все луга у мелких речек
своим прибежищем избрав,
напоминал тебе кузнечик,
что не долга пора забав.

(Уподоблялся он с рассвета
астрономическим часам,
что ходят, правда, только летом...
Ты, впрочем, знаешь это сам).

Придет, придет пора другая,
пора печальная придет
и, гриб остатний предлагая,
страде итоги подведет.

Остынет осень и увянет,
и станет инеем роса,
и удивлен никто не станет,
что «уж зима катит в глаза».

И счастлив ты, что ни минуты,
еще гуляя по росе,
подобен не был пресловутой
пропевшей лето стрекозе.

Тебе запасов лета хватит —
они, считай, в крови твоей;
и кто собрал их — не растратит
до самых светлых вешних дней.

* * *

Я не был на охоте. Наповал
ни из двустволки и ни из берданки
я никого еще не убивал,
не убивал еще я. И подранки
не истекали кровью. И в бору
и в роще — брал грибы я: все затеи.
И — не жалею. Лишь грибы беру.
А что не убивал — не сожалею.

ОСЕННИЕ ГРИБЫ

Как я любил осенние грибы —
и не грибы, вернее, а скитанья
по золотеющим уже лесам
с той женщиной, с которою Судьбина
свела меня... С утра всходило солнце
и вытравляло из лесу туман
(а тот — не лето! — за кусты цеплялся);
потом — весь день — был шелест
на ветру
листвы, что свой конец предвозвещала,
и солнечные — в золоте — поляны
слепой и безотчетной были грусти
полны... А мы — мы все ходили,
и находили, радуясь, грибы,
и подкреплялись тем, что Бог послал,
и запивали ясно что не чаем...
Потом опять искали, находили
грибы... а может — радость? Может —
счастье?
Все может быть. Теперь это — давно.
Прошло столет. Подробностей — не помню.

ПОГРЕБА

Поборники насущного гриба,
мы шли за ним по рошицам осенним,
что впрямь напоминали погреба,
где несть числа соленьям и квашеньям...
А за Грибом вела сама Судьба.

ПОРА ГРИБНАЯ

Скупое солнце всходит над тобою,
о родина осенняя моя!
Молочною окутанные мглою,
с утра едва видны твои поля.

Но ветер говорит еще не строго —
не голосом всевидящей Судьбы,
да и в лесных угожьях много-много,
ой много нынче радости: грибы!

И, проходя по травушкам росистым,
дыша азартным воздухом страды,
друг дружку окликаая зычным свистом,
мы словно бы исследуем следы.

Следы, следы — но это не игрушки,
а страсть: твоей минуют ли руки
боровики, и грузди, и волнушки,
и рыжики, и вновь боровики?

Когда ж в ходьбе становимся
не прытки, —
устраиваем радостный привал
и достаем закуски и напитки —
как говорят, кому что Бог послал.

И за словом уже в карман не лезем,
под стать охотничкам на полотне,
что, выйдя из лесу, но бредя лесом,
вдвойне переживают день, втройне!

Но день идет. И, заждались хозяйки:
полны, по их расчетам, пестери:
и, закругляя басенки и байки,
спешим мы восвояси до зари.

Отведешь на ужин жаренины —
и этого приятно ожидать,
а ночью станут снами те картины,
что днем душе случилось увидеть...

ТЫ ЗАВЕДИ

Риме С.

Ты заведи меня —
как часы.
Заведи меня.

В лес заведи —
в царство ягод-грибов.
Только ты меня заведи.

Ты меня заведи
на широкий луг изумрудный,
где столько еще красоты.

Ты заведи меня,
заведи к заводи,
где все мы грехи отмоем.

Тебе это все по силам,
ты можешь,
это тебе по плечу.

Но! Прежде всего —
как часы,
ты заведи меня.

ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА КАЛАЧЁВА,
МУЖА МОЕЙ ПЛЕМЯННИЦЫ
ЛИДЫ

С тобой мы были — грибари.
И ты удачливей, быть может, —
хотя в корзины, в пестери
и в сумки — только Бог положит.

Но ты ушел — из лет, из бед...
Брожу в борах я, как бывало...
Да нет грибов, почти что нет...

Иль без тебя потерян след,
утрачен свет, забыт секрет
тех мест, где брали мы немало?

И вновь они — березовые полдни,
осиновые дни и вечера,
и я нежданно их еще припомню —
для этого придет своя пора.

То солнечно, то дождичек сквозь сито,
и чудится: под капель шепоток
они и прорастают здесь — грибы-то —
у самых ног, у самых наших ног.

И лес, уже отпраздновавший встречу
с хозяйкою рачительной своей,
опять врачует душу человечесью
и отрешает ото всех скорбей.

Деревья! Что сравнится с деревьями?
Что было б с этим миром, если б их
не вырастила Жизнь и рядом с нами
их не было в цепи существ земных?

Что с шумными тенями их сравнимо,
какие сны мы видели б, не будь
зеленых грез у них для пилигримов
и если б ветру в парус их не дуть?

Под сенью их я годы не был, годы,
нелепицей и суетой пленен,
но чуть вдохнул их воздуха, свободы,
их свежести — и сразу исцелен!..

«НАШЛА!»

Совсем близенько от избы
сестра моя нашла грибы.
И вот — летя, а не шагая —
в мозгу звучит: достигла рая!

Ее восторг я не хую,
но все ж упрек не свести к нулю:
«Что ж ты с грибницей сорвала-то?
Ведь от нее пошли б робята...»

А мы всё бродим по лесам,
где гриб теперь не прет и сам...
Кажись, в сады переселился,
да вот — надолго ль тут прижился?

«ВЫШЕЛ!»

Леса грибами оскудели,
а реку и не перейдешь;
а то б я шел да шел до цели
и кстати был грибной бы нож.

Пошел по-старому — в надежде:
авось кой-что найду, как прежде...
Ан все не то, не тот чертеж.

Так я плутал часа четыре,
а может статься, что и пять.
И стало ясно: в этом мире
не даст мне Бог перегулять.

Но вышел я и выжил я,
да и добрался до жилья:
«Эй, девки, есть вино (во-первых)?»

Мне надобно подправить нервы,
да и желудок улестить,
да и рассудок возродить.
Ведь я живым остался в мире...

Живей вина! Ну, три-четыре!
И всю бутылку — уж под стать!..
Я вышел — чтобы мир обнять!»

Спешим в леса. И худо-мало,
а набираем кой-чего;
глядишь, и горя не бывало:
душе — какое торжество!

Прозрачны — дни, утра — туманны,
закаты — в золотой пыли.
Гриб — что-то вроде с неба манны,
нет, чур, не с неба, а с земли.

Чтоб средь осин и елей полдни
не забывать, не позабыть,
мы пьем до дна их — помня, помня,
что долго празднику — не быть.

Коль снег округу покрывает,
грибов, конечно же, не жди:
грибного снега не бывает,
грибные — только лишь дожди...

ТИШИНА НАВИСАЕТ

Над полем нависает тишина.
Бело, как снег, вон облако пасется.
Чуть-чуть плывя... И Осень так нежна,
как будто спит иль вовсе не проснется,

Сильна в древесных кущах желтизна,
и грусть от нас уже не отвернется.
Но если груздь иль прочий гриб
найдется —
не в страх ни желтизна, ни седина.

Уносим мы корзины — даром чудо!
И путь — еще сухой (туда-оттуда).
И радость: камелёк в избушке ждет.
Не верим в смерть грибов (и нас покуда)...

...А утром — иней, Осени остуда...
Хоть это нам и кажется причудой —
но Осень нас вокруг пальца обведет!

ПРИСКАЗКА

И вот прошу я у Судьбы
(а та и ухом не ведет):
«Ты повели, чтобы грибы
водили вечно хоровод
под лапами елей,
у ног осин-берез!
Ты осень обогрей,
ты приструни мороз!»

Так я прошу Судьбу всерьёз,
молю ее до слёз.

Что ж? Ноль внимания — Судьба,
она и ухом не ведет:
своя судьбинка у гриба,
пора оставить хоровод,
печальна осень и груба,
идет октябрь, вот-вот пройдет, —
труба уж осени, труба,
черёд зиме, зиме черёд...

Предзимье на дворе, и день, конечно, серый,
недолго и зиме явиться в свой черед.
Провинция моя — огромного размера,
дистанции ее никто не разберет.

В тишайшей тишине еще недавно праздник
она справляла свой: в неистовом огне
весь лес горел — как холст,
безбожнейший, без правил
написанный. Иль то казалось? Только мне?

От буквы бытия красоты в угоду
не отступаю я, нет-нет, не отступил:
о, как пылали дни в сухую-то погоду,
какой тут красок пир, какой палитры пыл!

И рощи и леса — богаты, ох, богаты,
они на сотни верст стоят — богатыри:
коль хошь — бери грибы, гребь грибы
лопатою,
а коль не хошь грибов — так ягоды бери.

ПО ХОДУ ДЕЛА

Я по лешишку шел да шел
да и грибишки там нашел:
грибов стяжатель записной,
с пустынькой справился лесной...

ДАЛ БЫ БОГ

«Тетрадь с грибами» — не кончаю,
поскольку в них души не чаю.
Лишь дал бы времени Господь
их осязать: и суть и плоть!..

ГРИБЫ КАКОЙ-ТО ВОЕННОЙ ЗИМОЙ

Зимой с моста машина гробанулась, —
и на снегах — соленые грибы:
вместилища их будто поперхнулись,
и взрыв тут прозвучал сильнее пальбы.

В живых осталась троица людей,
что груз, перевозя, сопровождали.
Бог жизнь им дал по милости своей —
но чтоб грибы ни в жизнь не забывали...

ОСЕНЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Грибы в ту пору нам подспорьем были.
За ними мы и в тот-то год ходили —
я с мамою... О, то была страда!
Но вот восстал октябрь — и подводили
черту уж под страдаю холода:
сейчас — идешь, а завтра — никуда.
Но все-таки однажды мы решили
в последний раз отправиться туда.

За Сальковым в леса вела, дорога.
Заходим в лес: грибов не то что много,
а вовсе нет, совсем их нет как нет.
И смотрит Осень пасмурно и строго:
«Что ж думали, всегда вам здесь привет?
Не видите, что лес почти раздет,
что он глядит уныло и убого,
что летнего тепла — остатний след?»

Что ж ей могли промолвить мы в ответ?

И впрямь уж было холодно и сыро!
Сейчас попасть бы в теплую квартиру,
Доколь еще шагать нам да шагать!
И нам бы уходить из бора с миром,
да вздумали мы дальше поискать.
Подходим под Никулино: что взять?
И лишь за банькой, что скривилась сиром,
судьба нас принялась вознаграждать.

В осыпанных густой росой холодной
(пожалуй, даже с инеем уж сходной),
высоких травах, — только разведешь, —
стоят боровики — бери свободно, —
и запросто корзину наберешь;
да видим мы: такие дуры сплошь
повымахали, что едва ли годны;
но был нам и такой итог хорош.

И мы их там набрали-набирали!
А брали-то — почти не разбирали...
Насквозь промокли — вот какая статья! —

не по колени — выше, так что стали совсем-совсем уж окоченевать...

В деревне нас взялись отогревать...

Тот случай мне забудется едва ли:
ведь заболели мы, и я и мать.

Мне было — десять. Матери — за сорок.
Обоим нам тот лес осенний дорог:
не раз мы вспоминали этот лес,
те странствия с пригорка на пригорок,
в лощинках, на полянках, где исчез,
пропал, простыл последний след чудес,
и баньку и промокший тот задворок,
где гриб нам в руки сам как будто лез.

Хоть мы грибы — и в этом тоже сила! —
снесли домой, их бабушка сварила,
хоть напиталась ими вся семья, —
но мы слегли, простуда нас свалила,
и долго проболела мать моя.

Во дни войны такое дело было...
Ты, мать, себя жестоко не щадила!
Но вынесла ты все и нас взрастила.
Чрез сорок лет пресеклась жизнь твоя.

Теперь я у твоей стою могилы.
Все это на могиле вспомнил я.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУДА.....	3
ЗАЧИН	5
ПОПРОЩЕ.....	6
СЧАСТЬЕ	7
«И ПАУТИНА СПЛЕТЕНА...»	8
«ЧЕМ БОГАТЫ РОЩИ, ТЕМ И РАДЫ...»	10
ПО ГРИБЫ	11
ОДА ГРИБАМ	12
БАБЬЕ ЛЕТО	14
ГРИБНОЙ ГОД	16
«Я НЕ БЫЛ НА ОХОТЕ. НАПОВАЛ...».....	18
ОСЕННИЕ ГРИБЫ	19
ПОГРЕБА	20
ПОРА ГРИБНАЯ	21
ТЫ ЗАВЕДИ.....	23
ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА КАЛАЧЁВА	24
«И ВНОВЬ ОНИ — БЕРЕЗОВЫЕ ПОЛДНИ...»	25
«НАШЛА!»	27
«ВЫШЕЛ!».....	28
«СПЕШИМ В ЛЕСА. И ХУДО-МАЛО...»	30
ТИШИНА НАВИСАЕТ	31

ПРИСКАЗКА	32
«ПРЕДЗИМЬЕ НА ДВОРЕ, И ДЕНЬ, КОНЕЧНО, СЕРЫЙ...»	33
ПО ХОДУ ДЕЛА	35
ДАЛ БЫ БОГ	36
ГРИБЫ КАКОЙ-ТО ВОЕННОЙ ЗИМОЙ	37
ОСЕНЬ ВОСПОМИНАНИЙ	38